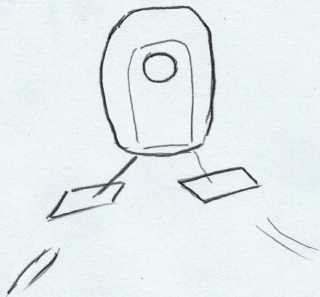

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Гости из Тентурии 013

18+

Валерий Иванов

Валерий Иванов

Гости из Тентурии 013

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42652432

SelfPub; 2021

Аннотация

Шуточная музыкальная пьеса о приключениях двух героев в антитентурии галактики Ы-Ку. Двое землян посещают планету Плюк, где они встречают жителей которые поют. Содержит нецензурную брань.

Валерий Иванов

Гости из Тентурии 013

Акт 1

Планета Земля

Кухонная комната обычного пятиэтажного жилого дома. Вечер. Двое. Петрович, 50 лет. Валентин, 32 года. Выпивают.

– ...Так и познакомились. Вот телефон дала, – Валентин протянул выпившему Петровичу проездной билет. Петрович пытался рассмотреть на нем номер.

– Ну, и что теперь делать думаешь? – спросил Петрович.

– Думаю позвонить, – ответил Валентин.

Валентин задумался, держа в руках билет. Петрович наполнил две рюмки водкой. Осушил одну из них. Закусил маринованным огурцом.

– Не могу сказать, чтобы да или чтобы нет... Понимаешь?

Валентин осушил рюмку. Скривился. Запил водку соком.

– И жена есть, и с этой встретиться хочется. Уж она передо мной и так, и так...

В коридоре раздался звонок. Валентин открыл дверь.

Пришельцы

За порогом стояли двое. Женщина в годах с растрепанными волосами, в соломенной шляпе, голубой фате, мужчина

в белой простыне, на голове у него был убор из белого картона, в центре которого было нарисовано зеленое дерево.

– А мы все знаем, – сказал мужчина.

– Все, – сказала женщина.

– Что вы знаете? – спросил Валентин.

– И обо всем, – сказал мужчина.

– А ну, давай проходи, – сказал Валентин.

Валентин был изрядно пьян. Он стал проталкивать незнакомцев в прихожую. Гости переглянулись друг с другом.

– Ну...

Люди переглянулись.

– Мы знаем, как переместиться из тентурии в антитентурию.

– Мы с планеты Хизук 201, в тентурии, галактика Бета в спирали. Хотим пригласить вас на мероприятие, – сказала женщина.

Возникло молчание.

К ним присоединился Петрович с сигаретой во рту.

– Куда?.. – спросил Валентин.

Мужчина достал из кармана балахона небольшой диск, разделенный поперек на две половины.

– Вот это машинка перемещения. Нажатие на один из контактов приводит к перемещению по Вселенной.

– На нашей планете сегодня планируется выбор главного хаоби, – дополнила женщина, – по истечении семидесяти циклов в тентурии одной из галактической спирали разре-

шается принять на торжестве другой галактической спирали в одном из главных мероприятий планет.

– Да, – дополнил радостно мужчина, – наш выбор пал на более цивилизованную планету, расположенную левей от Большой Медведицы.

– Но наугад мы взяли вашу под номером 013, – сказала женщина.

– Я ничего покупать не буду... – сказал Валентин.

Он вытянул руки перед собой.

– У меня денег-то нету...

– Ну-ка, Валя, может, это у них куплю я... А ну, что у вас, дай-ка, я заценю...

Петрович выхватил из рук мужчины прибор и ткнул пальцем на контакт.

Пустыня

Вокруг них оказалась пустыня ослепительного песка. На синем небе светило Солнце. Петрович, оглядевшись, с невозмутимостью подкурил сигарету зажигалкой.

– Что, переместились? – спросил Валентин.

– Ну да... Эта штучка, вероятно, дорого стоит... Мне ее точно не закупить, – сказал Петрович.

– Ладно, хоть ветра-то нету, а то... так-то в одной рубахе... Жаль, что штаны на ворсе, зимний период.... У тебя-то дома попроще было.

Петрович огляделся. Снял штаны. На Валентине была майка поверх нее рубаха и брюки-трико.

– Н-да, это тебе не спортивки, но за шорты сойдет, – сказал Петрович, оставшись в семейных трусах.

– Петрович, гляди...

Издалека по песку что-то приближалось.

Через некоторое время Петрович откинул окурок, когда с ними поравнялась тарантайка.

Местный житель

С транспорта выскочил худой парень с лохматой шевелюрой.

– Кто вы?!

Он вытянулся, выкрутив ладони и укрепив их на боках.

– Так, проезжие... – сказал Петрович.

– Хе... Приезжие... – сказал Валентин.

Незнакомец достал губную гармошку.

– Хочешь... Тушга?.. Хе-хе...

– Спасибо, – сказал Петрович, – купили уже... не знамо, что... Ты, мил человек, подскажи лучше, где Москва?..

Незнакомец важно потянулся.

– Хе!.. Хе-хе...

Он, вальяжно подталкивая колени вверх, словно они отскакивали от поверхности, не снимая с них взгляда, обойдя их, вернулся обратно.

– Хе, хе-хе...

Стал наигрывать какую-то мелодию (*появилась фонограмма группы «Doors», песня «Danger»,*) он запел:

Ты просто прохожий, люди чужды.

И одиноко, их лица мерзки.
Женщины кажутся порочны тебе,
Улицы кривы, ты не в себе.
Когда ты чужой,
Дождь скрывает тебя.
Когда ты чужой,
Никто не вспомнит тебя.
Когда ты чужой,
Когда ты чужой,
Когда ты чужой.
– Хе, хе-хе...

(Фонограмма прекратилась.)

Он засунул гармошку в карман. Прыгнул на тарантайку и умчался прочь.

Пустыня – 2

– Да, веселый паренек, ничего не скажешь, – сказал Петрович.

Петрович перекинул штаны через левое плечо.

– Петрович, я как бы даже протрезвел, как попал сюда.

– Такая же вещь.

Они снова оглядели местность.

Люди шли по пустыне. Петрович в тапках, которые часто застревали в песке. Валентин в черных носках, ему было идти легче.

– Петрович, да снял бы ты эти тапки. Они тебе мешают идти.

– Не могу, Валя, принцип, что надел перед поездкой, не брошу.

Через некоторое время. Те же. Пустыня. Солнце. Изредка следы бывшей цивилизации, разрушенные столбы колонн.

– Да-а... Сушит в горле что-то, – сказал Петрович.

– Сушняк, наверное, Петрович.

– Сушняк не такой, тут просто жажда. Я с утра дома не завтракал, после работы сразу домой хотел. После тебя хотел на такси до дому.

– Зачем же ты нажимал на эту штуковину, у этих... как их там?..

– Из тентурии...

– Ну да...

– А пес их знал, что они из тентурии...

Петрович вынул сигарету из кармана брюк.

– Сигареты хоть догадался в карман сунуть, я всегда в карманах их ношу.

Он обрадовался и подкурил.

– Петрович, дай сигаретку.

– Ты же куришь, только когда выпьешь?

Валентин скривился в стеснении.

– Ну, тут такое дело...

Петрович достал другую сигарету.

Местный житель – 2

На горизонте в небе появилась точка.

– Что это? – спросил Валентин.

– А пес его знать. На вертолет не смахивает, – сказал Петрович.

Валентин сунул сигарету в карман трико. Аппарат яйцеобразного типа приближался. Завис метрах в десяти от них. Опустился. Дверь открылась, из нее вышел, раскачиваясь, вальяжной походкой улыбающийся человек. Остановился. На нем были желтые штаны, на лбу располагался светодиодный фонарь, закрепленный на голове резинкой, который мигал двумя маленькими лампочками.

– Пляшите! – приказал он.

– Что?! – скривился Петрович.

Незнакомец достал из кармана вещицу в виде ручки, направил на песок, тот участок всколыхнулся. Валентин вспомнил, как танцевал на дискотеках, придумал себе музыку. Задвигался.

– Щина-щина-опа, опа-щинананай.

Незнакомец растянулся в улыбке шире. Он поднял левую руку, сжав ладонь. Из аппарата зазвучал музыка.

(Появилась фонограмма группа «Queen», песня «Show must go on» Проигрши под «Куин».)

Запел:

Тратим время, вот для чего живем,

Покинув место, надеясь на расчет.

Кто-нибудь, быть может, знает, что же долго ищем мы?

Другой герой, и еще один разбой,

И за занавесом будто пантомим.

Задержись.

Кто-нибудь все это хочет вытерпеть?

Но шоу идет,

Но шоу идет,

Внутри все будто рвется,

Мой грим уже течет,

Но улыбаюсь, как прежде, я.

Что ни случилось, пусть случай разберет.

Разбиты чувства, и вновь плохой роман.

Кто-нибудь, быть может, знает, что же долго ищем мы?

Но, став разборчив, я должен все понять

Перед тем, как повернуть опять.

Рассвет уже заметней,

Жажду рвать из темноты, свободней стать.

Пусть шоу идет,

Пусть шоу идет,

Внутри все будто рвется,

Мой грим уже течет,

Но улыбаюсь, как прежде, я.

Душа пылает, как раскраска мотылька.

Те сказки не умрут, что слышал я вчера.

Я лечу, друзья!

Пусть шоу идет,

Пусть шоу идет,

Я только посмеюсь,

И я не сдамся вам

На этом шоу...

Восстану я и покажусь,

Найду себя и буду продолжать

На этом...

На этом шоу.

Пусть шоу идет,

Пусть шоу идет.

Он закончил петь. Музыка закончилась. На нем снова засияла улыбка. Он повернулся к аппарату. Все тем же шагом, важно косолапя ноги, зашел внутрь. Дверь аппарата закрылась, он улетел. Земляне проводили его взглядами.

– Это что, параллельный музыкальный мир? – спросил Валентин.

Незнакомец

– Это планета Плюк, в галактике Ы-Кин-дза-дза, – раздался голос позади них.

Люди оглянулись. Там стоял человек в темном балахоне, напоминавшем домашний халат.

– Я с планеты Ханут галактики Лямбда. Моя жена выиграла билет, и вот нам предложили набрать один из номеров на тентурии. Я тогда был в отпуске. Я про что... Многие изменилось с того момента, когда здесь были земляне. После того как сменили Господина ПЖ на Господина ПС в малиновом пиджаке. Плюкане стали больше торговать песнями, и та, которая им больше нравится, ту тот и покупает.

Петрович и Валентин осмысливали сказанное незнаком-

цем.

– А что, часто сюда земляне прибывают?.. Я вот что-то о таком месте не слыхивал, – сказал Петрович.

Он бросил взгляд на Валентина, ища в нем поддержку. Тот пожал плечами.

– Да, конечно, но я о тех... Когда я потерялся между анти-тентурией и тентурией трех галактик в спиралях... Это все машинка. Моя жена все напутала в регистрационном отсеке. И вместо мельхиоровой пластины переслала мне машинку для перемещения. Она у меня на почте работает. А мельхиорова пластина работает только в системах, контролируемых планетой Альфа. А машинка...

– Хорошо. Мы поняли, и куда нам, думаете, податься? – спросил Петрович.

Незнакомец растянулся в улыбке:

– Для начала летим к нам, друзья, у нас на планете мы создали новый комбун.

– Комбун?! – не понял Петрович, он посмотрел на Валентина.

– Комбайн, Петрович, техника такая, – пошутил Валентин.

Незнакомец не понял иронии Валентина. С улыбкой продолжал ждать ответ.

– Знаете, я сейчас ученый. Я знаю все кнопки на тентурии. Я...

– Дорогой, – сказал Петрович, показал на часы, – я бы в

кафетерий сегодня хотел направиться к девяти, а у Валька жена вернуться с часу на час должна. Оно, конечно, спасибо. Может, в другой раз?

– Ну, в другой, так в другой.

Незнакомец нажал на кнопку и исчез.

– Так, э-э... – Петрович хотел окликнуть незнакомца. – А нам-то как...

– Досада, Петрович.

– Ага.

Петрович снова закурил.

– Хоть бы песню спел, повеселил. Ну и планетка...

Незнакомец – 2

– Парни, – позади раздался голос того же незнакомца, – моя жена спрашивает, щи обычно квашеной капустой или обычной заправляют.

Земляне переглянулись.

– Слышь, мужик, как твоя планета называется? – спросил Петрович.

– Ханут... – удивленно сказал человек. – Третья планета в спирали Лямбда 402 в тентурии.

– Едем, – произнес Петрович, бросив утвердительный взгляд на Валентина.

Планета Ханут

Человек нажал на кнопку, и люди тут же оказались в другом месте. Здесь пустыня сменилась свежескошенной травой. На сиреневом небе сияла звезда и небольшой диск дру-

гой планеты. Поодаль стояли разной формы непонятные здания.

– Мой город Тлунчтлан, – улыбался незнакомец.

Рукой он пригласил к одному из зданий. Издали оно наминало Пизанскую башню с тем же креном. Они подошли поближе. Сквозь туман уже едва узнавались другие здания.

Из одного из строений выбежал человек.

Эпи

– Это Эпи. Он часто бывает на Плюке. Поддерживает там молодежь, – сказал незнакомец.

– Приветствую, Фуон, дорогой! – сказал Эпи.

Он сделал трехкратное фуэте у груди, в окончание вскинув руку кверху.

Фуон ответил ему тем же.

– Фуон, ты глянь на небо, это великий день солнцепланетосближения!

(Начинает играть ритмичная музыка. Увеличиваясь в тоне.)

– Только в этот день. Все герои возрождаются, – сказал Эпи и запел под регги.

(Появилась фонограмма под Э. Пресли песня «The dog».)

Ты охотничья собака,

Постоянный лай.

Ты охотничья собака,

Постоянный лай

Дак, ты кроликов не ловила,

Ты мне не друг, так и знай.

То, что ты высококлассна,

Ну, это просто ложь.

То, что ты высококлассна,

Ну, это просто ложь.

Ты кроликов не ловила,

Ты мне не друг, вот так.

(Два столбца повторяется три раза.)

Когда Эпи закончил, все смотрели на него, продолжая молчать. Фуон вскинул руки и захлопал, растягиваясь в улыбке. К ним подошли еще несколько жителей и тоже захлопали в ладоши.

– Ай да Эпи! – кричал Фуон.

– Ай да Эпи, – подхватывали другие жители.

Петрович, чтобы не показаться не вежливым, не решил аплодировать, он достал сигарету и стал прикуриваться. Валентин скромно поддержал публику. Эпи с неподдельным восхищением продолжал растягивать улыбку.

– Ну, мне пора, жду вас на празднике, дорогой Фуон.

Эпи протянул руку всем его новым друзьям и испарился.

– Где-то я уже слышал эту музыку, – сказал Петрович.

– Еще бы, это же Эпи!.. – сказал Фуон.

Туман рассеялся. Обнажились странные на вид здания.

– Ну, мне пора, – сказал Фуон.

– Э-э, нажми, куда надо... Нам бы... – сказал Петрович, едва не захлебнувшись в дыме.

Незнакомец уже успел скрыться.

– Тьфу, блин! – выругался Петрович.

– Который час, Петрович? – спросил Валентин.

– Я всегда по мобильнику время проверяю. А он у тебя на столе остался. И водочка... Я никогда, но сейчас ерша бы даже.

Мимо них изредка по своим делам проходили люди. И каждый кто-то улыбался им, или каждый третий приветливо кланялись. Петрович и Валентин оглядывали неправильной формы здание.

– Двигать надо, Валя. Ты заметил, куда этот Эпи дернулся?

– Нет, Петрович.

– Фуон?

– Не заметил...

– Ладно, пошли к той статуе, на Ленина чем-то смахивает.

Статуя

Статуя напоминала Ленина. Выкинутая рука с открытой ладонью как бы с обращением на приветствие. В плаще. Голова была от статуи Свободы, в левой руке был факел.

– Тебе напоминает чё-нить, а, Валек? – рассматривал статую Петрович.

– Памятник, наверное, кому-то...

– Я вот тожа, не пойму... кому тока...

Из-за статуи выбежал мужчина. Он, широко улыбаясь, раскинул руки, лицо обмазано чем-то черным, притворно

косолапил. На голове шапка густых волос, как у негров, гладкая длинная борода до груди.

(*Вступление музыки «Бони М» «Распутин»*). В такт музыке по обе стороны статуи появлялись хлопки в ладоши.

– Брр, – негр затряс головой.

Проигрыш прошел, негр запел, с чувственным выражением выявляя ужас:

В России жил один человек давно.

Позади статуи слышались женские голоса, Петрович насторожился:

Был большим и сильным, и в глазах пылал огонь.

Негр:

Большинство людей ужасались так его.

Женские голоса:

Но московским кралям много нравилось все в нем.

По обеим частям статуи выплыли девушки в русских народных костюмах:

Мог читать, как Библию апостол,

Полный яри и огня.

Петрович поспешил надеть штаны.

Он же был хороший и учитель,

Краль сводя с ума.

Хор:

Ра-Ра-Распутин

Жены царя любовник был,

И он был настоящим самцом.

Ра-Ра-Распутин —

Любви машина всей Руси,

И просто срам, как он себя вел.

При каждом припеве девушки, взявшись за руки, распевая, ведут хоровод.

Негр:

Россией правил он, не думал про царя.

Женские голоса:

Но право, танцевал он отлично «Казачка».

Негр:

Во всех делах страны он был, скорей, льстецом.

Женские голоса:

Но в любви забавах был и впрямь великим он,

Но царица не считала плутом,

Хоть наслышана о нем,

Верила взапрям, что он целитель,

Сына излечал.

Хор:

Ра-Ра-Распутин

Жены царя любовник был,

И он был настоящим самцом.

Ра-Ра-Распутин —

Любви машина всей Руси,

И просто срам, как он себя вел.

Негр текст без музыки:

Но когда о его пьянках, похоти и жажде власти

Узнавало все больше и больше народа,
Призывы решать с этим возмутительным человеком
Звучали громче и громче.

(Проигрывает.)

Негр:

«Должен он уйти!» – твердили все враги.

Женский хор:

Женщины просили: «Вы не трогайте его!»

Негр:

Здесь точно бездна чар, у Распутина внутри.

Женский хор:

Таяли в руках, хоть был и грубым он.

В одну ночь из влиятельных субъектов

Создали кознь – без вины.

Приходите к нам – они просили,

Он явился к ним.

Хор:

Ра-Ра-Распутин,

Жены царя любовник он.

Ему подсыпали яда с вином.

Ра-Ра-Распутин —

Любви машина всей Руси.

Выпив бокал, сказал: «Эх, хорошо!»

Ра-Ра-Распутин,

Жены царя любовник он.

Они желали жизни его.

Ра-Ра-Распутин —

Любви машина всей Руси.

Стреляли и убили его.

Негр:

Ох, и русские...

Девушки спрятались за статуи. Из-за статуи послышался женский голос:

– Боня...

– Боня – это я, – сказал псевдонегр и, глядя исподлобья, затряс бородой. – Брр...

Улыбнулся, похотливо и вальяжно, косолапя, скрылся за статуей. Петрович потянулся за сигаретой.

– Одна осталась, потом выкурю.

Спрятал пачку в кармане.

– А.. а что они там делают, как думаешь, Петрович?

– А шут их знает? На группу смахивают чем-то...

Валентин зашел за статую. За ней сидели те, кто выступал.

– А что вы тут, а не... в другом месте, ребята?

– Много хочешь знать, скоро состаришься, – сказал негр.

– Канай осейдъ, парниша, пока зенки не повылупливались, – сказала одна девушка.

Валентину нечего было добавить, он вернулся к Петровичу.

– Петрович, надо как-то выгрести отсюда.

– Знаю, Валек. Мы опять у этого, Фуона... не спросили, как выбраться.

– Точно! Он-то и поможет.

– А...

Валентин хотел вернуться к статуе.

– Спросить бы у этих «артистов», может, они знают, как его найти.

Петрович оглядывал город.

– Спроси, может, и знают...

Валентин зашел за статую.

– Скажите, – настороженно спросил артистов Валентин, – а вы не знаете такого Фуона, где он живет?

– Так бы сразу и спросил.

Негр поднялся.

– Там на окраине, – махнул рукой, – а ты, что, землянин, тоже выступать будешь?

Валентин растерялся.

– М-может, и выступлю!

Негр растянулся в улыбке, протянул руки к нему.

– Дорогой, водки привези в следующий раз?! Мы в сороковую тентурию хотим улететь, а там без этого никак...

Позади него поднялись девушки.

– Хорошо, хорошо... Э-э, пока, – ответил Валентин.

Пожал негру руку.

– Ты че там долго, по делу был? – спросил Петрович, когда Валентин появился из-за статуи.

– Ага, короче этого Фуона надо искать там.

Валентин показал рукой в сторону.

В городе

Где-то зажигались огни. Наступал вечер. Они не спеша шествовали по переулку. Их окружали разных форм жилые дома, накрененные или прямые. За фонарями появилась густая зелень, огороженная забором.

– И не скажешь, что дикари, облагородили, впрямь как у нас, – заметил Валентин.

– Да-а, бывало и такое. А по мне, так сё равно, я в деревяшке живу, – сказал Петрович.

Похолодало. В штанах Петровичу было не жарко, но тепло, он поправил их, но снимать передумал.

– Оно и видно, все продумал, Петрович. Даже тапочки.

– А-а!.. Ну, хочешь, надень мои тапки.

Петрович заметил, что тот переминается с ноги на ногу.

– Блин, лучше в пустыне, – сказал Валентин.

Отказался от обуви:

– Так сойдет.

На небе светила только маленькая планета. Сияли крошечные звезды.

– И небо какое-то совсем ненашенское.

– Блин, а у меня же там Алевтина...

– О, как ты заговорил, – сказал Петрович, – как ты ее обычно?..

– Так она же на сносях...

– Тебе что роженица, что молодая, все баба...

– Петрович, я тебя не узнаю. Ты-то же вроде как бобыль.

– Стал боббль! А так я два года в молодости за хорошенькой одной ухаживал.

– И?!

– В армию забрали. А там завертелось, загулялось. Да я еще молод! Что ты думаешь?!

– Да ни о чем я, Петрович, не думаю. Впрочем, как до-мой-то попадать? Где этот...

Валентин сплюнул. Рядом стоявший кривой фонарь заморгал и потух. Навстречу им появился человек. Он выкидывал вперед руку, как гусь. И вслед за ней подтягивал свое тело.

Служитель порядка

Человек в униформе приблизился к Петровичу и Валентину.

– Затри! – сказал человек, обращаясь к Валентину.

Это был служитель порядка. На голове у него был надет обруч с кошачьими ушами. По всему телу виднелся знак плюс. На брючинах знаки равно.

– Я служитель порядка! И я требую!

Когда он говорил, было ощущение, что он разговаривает сам с собой. Но его тон смягчился.

– Вы плюнули.

Валентин скрестил руки на груди.

– Я еще и чихать могу...

– Чихать можно! Плевать нельзя!

– Н-да? – уточнил Валентин.

Валентин пошаркал, затирая ступней. Служитель порядка продолжил такими же телодвижениями дальше. Отойдя чуть поодаль, он завертел под ламбаду и скрылся за домом.

– Да-а, – протянул Валентин, – ему, наверное, большую денежку платят, что он так выплясывает...

У Петровича выпала сигарета изо рта от удивления.

– У-тата-та... У-тата-та... – передразнил Валентин служителя порядка, потанцевав ламбадой. Позади них слышались аплодисменты.

Фанаты

Это были люди. Один из них средних лет, другой лет тридцати и девушка.

– Вы прирожденный служитель порядка! – сказал серьезно старших лет из этой компании.

– Расскажите, как это у вас так получается? Мой сын никак не может попасть в служители порядка.

– Это правда, – поддержала его девушка, – это у него никак не получается.

Валентин повторил. Все, кроме Петровича, захлопали в ладоши.

– А я спою вам песню, потому что вы мне понравились, – кокетливо сказала девушка.

– Опять песни. Слышать их не могу! – пробубнил Валентин и хотел сплюнуть. Но передумал. Все трое с удивлением посмотрели на него.

– А я не против этого. Пусть поют, – сказал Петрович.

Трое вздохнули с облегчением.

Появилась музыка (*песня Э. Пиаф «La vie en rose»*). Девушка запела:

Взгляд, под которым таю я.

Она как кошка стала приближаться к Валентину:

Улыбка на губах его,

Без ретуши портрет его.

Принадлежу лишь ему я.

Она посмотрела на своего напарника:

Он, обнимая меня,

Шепчет мне слова.

Жизнь как розовый цвет.

Обернулась вокруг Валентина. Ему это понравилось.

Мне говорит о любви

Простые слова,

Которых лучше нет.

Возвращаясь к своему напарнику:

В сердце моем ты,

Успех моей судьбы,

Потому что знаю я,

Он для меня, а я для него.

Вот слова, где было все.

Поклявшись жизнь отдать.

Обнимает своего товарища:

Когда он возникает,

Могу вдруг испытать

Стук сердца я.

Не кончаются ночи любви,

Счастье собою влечет.

Грусть, неприятность уйдет.

Пусть даже уйдут мои дни...

На припеве повторяются ее движения также, и в конце припева она оказывается на стороне вновь своего напарника.

– В-водочки бы, – Петрович закурил последнюю сигарету.

– Нельзя водочки, дорогой, – с умилением сказал напарник девушки, – на ней летают.

Петрович забыл, что вынул сигарету изо рта, хотел поискать другую.

– ...Я знаю, что летают, – не понял его Петрович, – даже как летают. Улетают!.. Особенно от ерша...

– Нет, не ерша... Это топливо для Балаллы¹, — сказал который был постарше.

– У нас ее во всем Хануте не сыскать, а на Земле водки много, достань дорогой, а?

– Я тебе Мнаму отдам.

Тот направил девушку в сторону Петровича.

– Не надо Мнаму, – возмутился ее молодой человек, направил ее в свою сторону.

– Я тебе и Мнаму, и Глюну подарю, не слушай ты этого балбеса, – махнул он на молодого человека.

– Наша Балалла лет двадцать не работает, ржавеет. Ее еще

мой отец водить перестал, когда на Плюке власть сменили. На Плюке луц используют, а мы водку испаряем, у нас правительство другое, правильное, у кого мяшей много, – старик придвинул к себе девушку, – у того водки много... Приезди, а?

Петрович бросил бычок, затушил ногой, хотел сплюнуть, но вспомнил о слугителе порядка.

– Папаш, не знаешь, как на Землю попасть? – спросил он.

Папаша взял подругу-девушку, мотнул парню, сказав: «Пошли». И они направились дальше.

– Плюк, бабл... Балаллы... Ерунда какая-то, – сказал Петрович.

Валентин пережимал, стоя на месте, ступни.

– Змерз? Да на тапки-то, – сказал он Валентину и передал обувь.

Акт 2

Те же бредут вдоль улиц. Ночь. В домах гаснут последние окна. На Петровиче тапки. Остановились.

Петрович:

– Эх, сигарет нету. В ларек не сбегать... Блин...

Валентин топчется с ноги на ногу.

Петрович:

– Да что ты топчешься, одень тапки!

Валентин отказался.

Валентин:

– Пошли дальше искать этого... Фуэтона.

Выругался.

На небе что-то пролетело.

Петрович:

– Их балалайка, наверное, пролетела.

– На сковородку смахивает чем-то, – сказал Валентин.

– Точно.

Мимо них профуэтировал в древнеегипетском танце служитель порядка, выкидывая вперед руку, как гусь голову.

– Не плюете? – спросил он, словно обращаясь к самому себе.

– А надо? – спросил Валентин.

– Не надо, – ответил служитель и поспешил прочь.

Отойдя на расстояние пяти метров, вновь сделал фуэте в стиле ламбады.

– Во! Выдает, – сказал Валентин.

– Танцор... – подметил Петрович.

– Петрович, – Валентин повернулся к Петровичу, – я так полагаю, что, если что случилось бы, нужно плюнуть, и появится полиция?

– Не полиция, Валек, а служитель порядка! А его функции мы пока определяем по плевку.

– Верно... Вот, блин, забыли...

– Ты о чем?

– Так надо же было спросить у него про этого... Фуэтона?

– Фиона?!

– Его самого...

Воцарилось небольшое молчание.

– Плюй! – сказал Петрович. – Выхода нет.

Валентин плюнул что было сил.

Прошло несколько минут.

– Ну, где твой полицай?!

– Не мой, и служитель порядка.

– Да все равно, что делать-то бум?

Вскоре к землянам подошли трое. Два служителя порядка, на одном из них на голове была шапка-ушанка с растопыренными ушами. Служитель порядка, на котором были уши кота, держал гражданина. Гражданин был слегка расслаблен.

– Гляди, Петрович, здесь такие же порядки, прям как у нас. Помнишь? – спросил Валентин.

Задержанный гражданин поднял голову на землян. Понесся звон гитары. (*Фонограмма А. Челентано «Конформист».*) Человек запел. Голос простой, легкий:

Я, это,

Я человек новый,

Я совершенно новый уже давно, и не являюсь быть никак фашистом.

Могу быть просто альтруистом,

Востоковедом,

А в прошлом я немного был

Консператист.

Теперь вот я экологист,

Недавно жил в восторге идеальном,

Как все, чуть-чуть социалист.

(Проигрывает, с добавлением скрипки.)

Я, это,

Я человек новый,

Я вам толкую совершенно напрямую,

Я прогрессивный,

Я в то же время либеральный,

Антирасист.

Я образцовый,

Еще

Анималист,

На государство не надеюсь.

Резко повернул голову в сторону служителя, на котором была «ушанка», продолжая:

Но в то же время я не хозяин своих мнений,

Я федералист.

(Проигрывает с добавлением скрипки.)

Голос гражданина немного повысился. В движениях появилась уверенность:

Быть конформистом,

Тем, на правой стороне, как правило, всегда готовый быть специалистом,

Красивый и всегда точный, он на все может дать ответ.

Средоточитель разных мнений,

И ежедневно три газеты под рукой.

Но если шевельнет мозгами,

Пользуясь другими словами,

Считает

Себя оппортунистом.

Он, ни на что не обращая,

Ловчась, живет в своем раю конформиста.

В пути по кругу свой везде, но бег без цели в его жизни,
тормозится,

Где направленье большинства, он неотменно завсегда
стремится,

Прямо животное из стада.

Он чужими разговорами питается,

А ночами представляет,

Как проникает в сны других.

Позади него появились двое его спутников:

А днем

Он просто веселится.

Миру он желает мира,

Проделать путь и сохраниться.

Откуда-то появились две барышни и стали подпевать:

Быть конформистом,

Путь конформиста.

(Проигрыши.)

Гражданина никто не поддерживает, но служители поряд-
ка рядом. Человек продолжал:

Я, это,

Я человек новый,

С женщинами в особых отношениях.

Я

Феминист,

Я независим и оптимист,

Европеист,

Я не повышу голос.

Я

Пацифист,

Был марксистом-ленинистом.

Случилось так, вдруг оказался почему-то

Как-то коммунистом.

(Проигрши.)

Быть конформистом

Не очень мне понятно, как мяч футбольный, скачет он по-
фигистом.

Разбухшего от сведений я сравниваю с баллоном.

Это все, потому что он

Летает над землей на малой высоте,

Касается слегка он пальцем мира

И чувствует себя

Налегке,

И всем этим он доволен.

И я одно заметить должен,

Что он на нас похож, на всех...

Подхватывают женщины:

На конформиста,

На конформиста.

Я, это,

Я человек новый,

Совершенно и это сразу видно, новый.

Я новый конформист.

Песня закончилась. Появился псевдоафриканец. Помотал бородой:

– Брр.

Увел женщин. Служители порядка увели гражданина.

Одни

Петрович и Валентин вдвоем. Стало еще безлюдней. Свет в домах почти погас. Осталось два или три окна далекого здания. Землян освещает свет Луны (планета меньших размеров).

На Валентине рубаха Петровича. Петрович в майке. Петрович расположился на земле, заложив руки за голову, иногда меняя ступни ног от холода. Валентин расположил голову на тапках Петровича, скрестив на груди руки. Оба глядят в небо.

– Петрович?

– Да?

– Тебе пришлось когда-нибудь глядеть на небо вот так, просто. Тупо, просто, вот так?..

– Было дело, Валек. Когда я до Матрены Николаевны направился. В дупель...

Пауза.

– Ну?..

– Что ну?.. Она мне сказала, чтобы я больше к ней не являлся в таком виде. И вообще...

– Что, не простила?

– Скорей, не поняла...

– Н-да... дела... Я вот... А как в небо-то?..

– Сковородой херанула... Я не устоял. Назад завалился.

Открываю глаза, небо... все, все в звездах...

– Хе-е. Искры, наверно, Петрович?

– Нет, – Петрович посмотрел на Валентина и снова повернул лицо к небу, – там Большая Медведица была... Малая... Балалайка... Тьфу ты, спутник.

Через некоторое время Петрович заёрзал. Поднялся.

– Так, все, Валек. Пора искать этого Фреона-Фиона.

– Фиона – это жена гоблина, – сказал Валентин, приподнимаясь.

– А?.. – не понял Петрович.

– А... Да-да... – понял он.

Люди отряхнулись.

– Выпить бы че... Сушняк какой-то, – сказал Петрович.

Он побрели в сторону. Когда они исчезли, появился Фуон с пустой тарой в руке, в плаще, трико. Бегающим взглядом. Не найдя людей, скрылся обратно.

Акт 3

Встреча

Рассвело. Те же. Усталые. Встречают Фуона. Земляне, из-

мотанные, уселись на землю.

– Фуф, ну, где же вы ходите?! Я же показал вам туда...

Фуон, запыхавшись, показал в сторону рукой.

– Всю ночь вас искал. Вот, – Фуон показал бутылку.

– Что это? – спросил Петрович.

– Как что?! Бутылка! – Фуон не понимал их.

– Я понимаю, что это бутылка, но она пустая... Ты, что, искал нас, чтобы показать пустую бутылку?!

– Издеваешься? – сказал Валентин.

– Зачем издеваться. Мне водка нужна для топлива на балалайку.

– Я тебе щас устрою балалайку, – Петрович торопливо поднялся, – гони нас отсюда к едрть-тудуть... домой. А то щас тебя этой бутылкой так отбутылю... гоблин...

Фуон, не понимая их, достал машинку:

– Сейчас, сейчас, я не понимаю только... На носу праздник, а вы...

Петрович замахивается рукой.

– Сейчас, сейчас, ищу... Вот... Уже.

– Ну?! – сказал Валентин.

– Нашел!

Фуон нажал на кнопку.

Новое место

Из растительности нового места переселения Петровича и Валентина была мелкая трава. Кругом развалины. Люди огляделись.

– Чуть-чуть, походу, перелетели, Петрович, – сказал Валентин.

Почесал затылок.

– А может недолет, Валек? – сказал Петрович. – Как пить дать, останки древней культуры.

– Греция?

– А то что же, напарник, – с настроением сказал Петрович, – у тебя заграник с собой?

– Ну, уже два года как просрочен, я его только один раз то и использовал...

– С собой, чудила, есть заграник?! – настаивал Петрович.

– Ты что, Петрович, если бы знали, куда будем летать и откуда, то, конечно же, бы был, а так, откуда он у меня здесь. Мы же...

– Не дрейфь, старина, у меня его тоже нет...

– Так как же мы отсюда выберемся? – спросил Валентин.

– Я знаю? Спросим у кого-нить... – сказал Петрович.

Они решили идти дальше. Навстречу им появился человек в белых лохмотьях из простыни, в сандалиях, синей потрёпанной древнеегипетской короне, напоминавшей кувшин вверх дном.

Египтянин

– Привет, – сказал человек.

У него была вытянутое лицо и подбородок, слегка выделялась округлость бедер, что при ходьбе ему придавало женскую походку.

– Здоров, коль не шутишь, – ответил Петрович.

– Не подскажите, где у вас тут российское посольство? – спросил Валентин.

– Посольство не у нас, на Альфе. А Российское, оно в тентурии на Земле, если не ошибаюсь. А если вам в планетарий, то это вам на Плюк надо.

– Тьфу ты, – Петрович сплюнул, – до сих пор тут.

Вспомнил, что нельзя плевать, прикрыл место тапком.

– И что это за планета? Какая тентурия, спираль?

– Планета Мазолятор 250 в тентурии галактики Бета, – ответил тот.

– Петрович, надо выбираться отсюда, – сказал Валентин.

– Послушай, друг, как там тебя... – обратился к незнакомцу Петрович.

– Аменхотеп, это по батюшке... А так Эхх-На-Атан. Царь.

– Послушай, царь... Как на Землю вернуться, случайно не знаешь? – спросил Петрович.

Тот задумался.

– Это вам к Наполеону. Лучше у него спросить.

– А, ну да, – сказал Петрович, – как же я сразу-то не догадался-то... К Наполеону... Конечно...

– Ну и где этот Наполеон, где-нибудь в галактике шесть? – спросил Петрович.

– Да нет, где-то тут рядом бродил.

– А, ну да, как же я сразу не догадался... Рядом, ага...

– А вот и он, – сказал Эхх-На-Атан.

Из-за одной из разрушенных колонн вышел пухловатый на лицо, полноватый телом, с угрюмым видом человек, действительно схожий с портретом императора Франции. На нем была одежда из простыни, на голове венок. Он что-то искал.

Наполеон

– Бонапарт, тут к тебе люди, спросить чего-то хотят, – сказал египтянин.

– Чего они хотят? – спросил Наполеон, не отрывая взгляд от земли, продолжая свое занятие.

– Да вот, спрашивайте. А мне пора. Мне нужно пообщаться с Рейганом, пока.

Царь ушел.

– Извините, вы Наполеон? – спросил Валентин.

– Допустим.

– Вы могли бы сказать, как нам попасть обратно на Землю?

– Допустим.

– Да ты че ищешь-то, Боня? Дорогой? – спросил, потеряв терпение, Петрович.

– Двууголку.

– А на кой она тебе? На тебе вон, венок...

Наполеон обратил внимание на Петровича.

– Затем, что это мой головной убор. А это... – Наполеон снял венок. – Дарю тебе. На... – сказал Наполеон.

– Это отдай лучше Вале, – сказал Петрович.

– Нет, это тебе, Петрович. От самого Наполеона Бонапарта. Величайшего императора!

Наполеон надел венок на голову Петровича.

– Спасибо, конечно...

– А я думал, ты, это... На острове Святой Елены... Того... Этого... Почитай, уж лет триста...

– Это Мазолятор! У нас здесь все такие.

– А, ну да, такие... Конечно, – согласился Петрович.

– Так как насчет Земли? – спросил Петрович.

– Шляпу найти надо...

– Так она у тебя в руках была, – сказал Петрович, – ты ее отложил, когда мне венок дарил.

– Ну да, конечно, я ее сюда и положил.

Он надел двуголку. Засунул руку под край простыни. Сделал величественный вид.

– Император слушает вас!

– Тьфу, – Петрович, – опять. Как попасть на Землю, я тебя спрашиваю!.. Ирод...

– Я не Ирод. Ирод в Джедтамбуле находится, – Наполеон показал в сторону. – Туда.

– Ну, ты... Блин... Бонапарт, знаешь ответ на мой вопрос? – Петрович сердился.

– Да, Петрович, знаю.

– Ну!..

– Вам на Альфе скажут. У них коды блокировки из тентурии в антитентурию. Собственно, мне все равно не известна

ваша галактика, мы ее не проходили.

– А что вы проходили?! – спросил Валентин. – Как попасть в Москву?! Да?..

– Я в Москве мало бывал, один раз. Я ее плохо знаю.

– Ага, транзитом... – сказал Петрович.

– Послушайте, что вы нам голову морочите, если вы не сумасшедший, а действительно Наполеон Бонапарт, скажите нам, как попасть на Альфу? – сказал Валентин. – Я не могу долго без обуви, простыть могу, разве вы этого не понимаете?

Наполеон вынул руку, снял убор и отвечал, как провинившийся двоечник.

– Но если вы хотите, то она есть у Чиуаха, вождя племени Читательлань.

– Что есть? – не понял Петрович.

– Машинка по перемещению. Только до них далеко ползти надо, их крацуаль (*поезд*), ползущий от Товарняка (*станции*), на плюкской цаппе работает, ее принцип изменен. Только Лынь Ё с Джугой знают, они ее разрабатывали.

Петрович недоумевал.

– Ладно, где хоть это... Э-э...

– Товарняк справа от старой колонны. Недалеко.

Наполеон указал дорогу.

– Валек, двинули... – поспешил Петрович.

Станция Товарняк

Платформа. Будка. Ванна на колесах. Спереди короб от

телевизора, тоже на колесах. За коробкой, заметив людей, скрылся человек. Петрович и Валентин подошли ближе. Человек выгнулся, стал внимательно рассматривать присутствующих.

– Шмультге, Эн Дэпес. Чем могу служить?!

Воцарилось молчание.

– Наверное, тут все преступники мира. Валек, если я решу провести захват территории, то после кончины я попаду сюда, на Мавзуалятор.

– Шмультге, это планета Мазолятор, – поправил человек.

– Петрович. Это же вылитый Гитлер.

– Какой я тебе шмультге? Фриц! Указывай, как к Чингач-гуку попасть... – выругался Петрович.

Эн Дэпес оторопел.

– К сожалению, – Эн Дэпес хотел назвать Петровича «шмультге», но передумал, – цаппа с Плюка, и я не знаю, как завести велокатор.

Петрович нервно задумался.

– А ну, Хитлер, двиньсь.

Петрович подошел к велокатору.

– Где тут что?

– В коробке...

– Да тут б... фигня какая-то...

– Точно! Вот оно! Какое слово нужно для работы велокатора! – обрадовался шмультге Эн Дэпес.

– Что?! – не понял его Петрович.

– Слово нужное, секретное для зажигания двигателя, это код.

– Н-да?..

– И еще что-то... нужно. Средство какое-то, – сказал шмульге.

– И че это за средство? Шмульге? – передразнил его озадаченный Петрович.

Он изучал то бумажную коробку, то ванну на колесах, в которой была коробка.

– Не знаю, – пожал плечами шмульге, – я с ним уже долгое время гадаю. Его изготовили двое.

– Да-да. Я, кажется, уже догадался кто. Историю проходил в школе. Китаец и Сталин. Наверное...

– Правда! – удивился шмульге. – Но как вы знаете подпольную кличку Джуги?! Его мало кто видел, но все о нем знают.

– Да так, слыхивал где-то...

– Б..ь, опять загадки, опять нервы. Слушай, шмульге! – снова не вытерпел Петрович.

– Да, шмульге?

– Э-э-э. Где тут у вас ларек, вода, пиво там, сигареты? Закусить что-нибудь? Второй день не жравши, все бурлычит внутри?

Шмульге пожал плечами.

– Там за поворотом только, к фронтому через перевал... Но я туда редко наведываюсь... Мне как-то и здесь неплохо.

От велокатора толку нет. Хотел в аренду сталкивать. Но вот получается так, не рабочий он. Кода одного мало.

– Я тебя спрашиваю, попить что-нибудь у тебя есть?

– А, шмультге, конечно, сейчас принесу.

– Тьфу, ты, фриц, понимаешь... – Петрович плюнул внутрь короба.

Внезапно в коробке что-то задребезжало. Все удивленно переглянулись.

– Валек, садись, – не растерялся Петрович.

Валентин сел в ванну.

– Да двинься ты... – подсказал Петрович Валентину.

– Э-э, бляха... – сказал Петрович.

Велокатор моментально двинулся с места.

– Шмультге... – протянул озадаченный Эн Дэпес. – Надо было хоть код записать...

Поездка

Петрович и Валентин мчались по пустой дороге. Мимо них мелькали небольшие кусты. Оба в ванне. Часть Валентина потерялась где-то в коробке.

– Петрович, выпить бы на ходу, а?

– И не напоминай...

По дороге их изредка стало трясти.

– Валентин, тебе не кажется, что тебе надо сменить носки?

– Петрович, в чем же я останусь?

– Тапки отдам...

Валентин с трудом снял и спрятал незаметно от Петрови-

ча носки в карман трико. В руки взял его тапки, чтобы они не улетели по дороге.

Чиуаха, вождь племени Читательлань

Они пронеслись мимо нескольких человек. На голове у них были перья, одеты в черные спортивные трусы и майки. У одного из них на голове был обруч с головой змеи. К обручу приделаны крылья.

– Мне показалось, или это был Змий! – сказал озадаченно вождь.

– Зми-ий! – подхватили его люди и побежали за велока-
тором.

Вождь остался один. Он не переставал обращать взор впе-
реди себя (*на сцену*).

– О! Великий и ужасный Ткчлтлх-Кх-Уй! Ты прилетел к нам! Ты не забыл нас... – восхвалял кого-то вождь. – Или это!.. Пойдите, кто это был?

Через некоторое время. Появились люди, тянувшие ванну. Вождь обошел ванну. Петрович и Валентин в неудобных позах, не отрываясь от вождя, наблюдали за ним. Вождь повторил обход. Вдруг он вскинул руки кверху. Люди ахнули.

– О! Великий и ужасный! Кто это?! – он указал на людей в ванне.

– Это я, Василий Петрович, – сказал Петрович, вылезал, корячась, из ванны, – а это Валек.

– Валентин, – сказал Валентин.

– Что вам надо?

Вождь, не опуская рук, посмотрел на Валентина, потом на Петровича.

– Ты ручки-то опусти. Расслабься. Чингачгук.

Вождь с опаской прислушался к прибывшим людям. Петрович, помедлив, подскочил к нему, напугав того.

– Дай машинку для перемещений!

– Нее понимаю, – сказал тот.

– Все ты понимаешь, Чингачгук.

– Простите, – вмешался Валентин, – Петрович спрашивает о машинке перемещений, чтобы мы попали обратно домой на Землю?

Вождь успокоился, выпрямился, сделал важный вид. Потрепал крылья на голове.

– Водка будет?!

– Что?! – не выдержал Петрович, снова напугав вождя.

– Без водки вам не попасть на Альфу.

– Это еще зачем? – спросил Петрович.

– Тарантас без водки не полетит.

– Какой тарантас? Какая водка?.. Сам нажми на машинке что там, и все, мы дома.

– Нет машинки, она есть только в центральном Фигваме. Есть тарантас. Он везет на Альфу, нужно топливо, к ней без водки не полетит. На Альфе Арбафакс, он знает, как переправиться из антитентурии.

Петрович сел на землю:

– Опять тарантас, фигвам...

Он посмотрел на вождя.

– Тэк в фигвам запрягай, че стоишь... – сказал он вождю.

Вождь повертел головой.

– Что опять? – спросил Петрович.

Вождь подергал перья, ему они, казалось, давали уверенность.

– Никак нельзя, Петрович, до фигвама, луц нужен, луца нет.

– Что?!

– Последнюю луцеготовальню с изменением популяции транклюкировали в прошлом сезоне.

Вождь поник:

– Вот и живем здесь, молимся, одна наша надежда...

Змий!

Он поднял руки кверху.

– Змий! – поддержали его.

Так повторялось три раза.

Зазвучала музыка. (*Фонограмма гр. «Ace of base», песня «Happy nation».*) Кто-то из племени начал петь. Время от времени его подхватывали:

Радостнейший живет народ, наикраснейший,

Все могут понимать,

Об идолах мечтать,

Но случайность может переделать весь мир

Ради людского добра

И человечества.

Вождь:

Сквозь время мы идем...

Людская мысль извечна навсегда.

Мы узнаем сквозь прошлое года,

И человек не властен никогда.

Уйдет ли он, но мысль его вечна.

Люд успешный.

Сквозь время мы идем...

Сквозь время идем,

Мы далеко зашли.

Скорей ты им скажи,

Пусть красный люд придет

И танец мой зажжет.

Люд успешный,

Люд мудрейший.

Петрович с Валентином уселись на землю. Вождь продолжал делать свое занятие, выделявая движения, напоминавшие танцы. Люди из племени подхватывали его. Песня закончилась.

– Ну, и что нам делать теперь, Валек?

– А что?

– Выбирай: или эти, – Петрович указал на племя, – либо искать товарища Сталина. Он хоть велокатор изобрел...

– С китайцем... – подытожил Валентин.

– С китайцем.

Фуон

– Вон вы где! – послышался голос Фуона.

Петрович и Валентин не спеша приподнялись.

– Фуон! Дорогой! – сказал Валентин.

– Я вас по всем спиралям ищу, на Плюке пришлось задержаться, там новую песню придумали. Ай да...

– Айда до Альфы, а то я те спою такую песню... В веках припев петь будешь... – сказал Петрович.

– Ну, не хотите, так не хотите... Тогда вот...

Фуон достал вещицу, разделенную на две половины, с разными точками.

– Э-э, – остановился Петрович, – ты, Фуоныч, уверен, что куда надо жмешь?

– Жми сюда, – сказал Фуон.

Петрович ткнул пальцем на край пластинки, показанный Фуоном.

На Альфе

Петрович и Валентин оказались на поляне с высокой травой и цветами. Кругом щебетали птицы. День был яркий и светлый.

– Ну вот, – сказал Петрович, – может, мы уже на Земле вместо Альфы?

– Да хотелось бы... – сказал Валентин.

– А жаль, что мы так быстро переместились, – огляделся Валентин, – поля, цветочки, Россия!

– Нет, это не Россия, это Альфа первая в тентурии, – сказала оказавшаяся рядом девушка.

Она была очень мила, Валентин хотел познакомиться, но вспомнил о беременной жене.

– Где?! – спросил Петрович.

Он засунул в карманы руки, приняв напористый вид, ему было крайне не все равно, где они.

– Эта планета находится на границе двух миров тентурии и антитентурии.

Земляне услышали мужской голос позади себя, обернулись.

– Во избежание конфликта, – закончил Абрафакс.

– Во, это умный дядя! Здорово? – сказал Валентин.

– Здравствуйте, молодой человек.

– А вот вы... Сразу спрошу! Знаете такого Фуона? Мы его по всей тентурии разыскиваем.

– Да, знаю. Это межпланетный дилетант. Он не знает, где лучше прижиться, всю свою семью забудоражил, и подруга его по жизни такая же, растерянная. Так, а что вы, друзья, желаете домой? – сказал Абрафакс.

– Само собой, дядя!

Абрафаксу не понравилось обращение Валентина.

– Вы бы не возмущались, Валентин, а то дежурный ответственный вас может отправить, где поют, – тихо подсказала Валентину девушка.

– Ну еще, вот что! – услышал ее Петрович.

– Два литра с меня, дядя, а сейчас домой на Землю! – сказал Петрович.

– Митилитте Лора Сан, – обратился Арбафакс к девушке. Девушка достала из маленького рюкзачка машинку по перемещению в пространстве и хотела нажать на кнопку.

– В нашей галактике робомобители работают не на алкоголе, а на чистом тротиле. Стартуют сразу на дальние действия, а на малых расстояниях используют углекислый газ, как у вас будет в будущем, нам не нужна ваша водка.

– Да спокой, Абрафаксыч, я вижу, ты мужик дела. Я имею в виду, прилетим еще. Я два литра привезу, посидим, потолкуем... песни попоем.

– Э-э, нет, – отмахнулся Арбафакс, – мы не на аморальной, одной из планет малого уровня, мы на Альфе! Петь не будем.

– Ну, – приостановил девушку Петрович, – курнем что-нибудь?

Арбафакс сделал вид, что не понимает его.

– Так как у вас с закусью-то? – спросил Петрович.

– Прощайте, – сказал Арбафакс.

Девушка нажала на машинку по перемещению.

Дома

Звонок в домофон. Валентин встает с дивана, включает свет в комнате, ищет под ним тапки. Снимает трубку у входной двери.

– Алле, – сказал Валентин.

Вешает трубку, включает свет на кухне, разогревает пищу в микроволновке, ставит электрический чайник на разогрев.

Достаёт на стол хлеб, из холодильника масло.

Звонок в дверь, на пороге беременная жена. Он целует ее, помогает раздеться, ведёт на кухню.

Ужинают. О чём-то говорят. Через несколько минут звонит мобильный телефон.

– Да, Петрович? Нет, все нормально. А? Нет, через три дня положат. Да. Ага, конечно. Завтра решим, я думаю, с последним конвейером подождём, если что... Если что, начальство само скажет, когда и что... Да. Да, конечно! Ага, пока, давай...

Возвращается к жене на кухню. Та уже поужинала. Они встретились в коридоре.

– Кто там у тебя? – спросила жена.

– Да Петрович спрашивает, запускать завтра крайний конвейер для проверки или нет.

– А ты?

– Предложил, что нет. Пускай их балалайки неделю ждут. А то, как они к нам... то мы сразу, а как мы к ним, то у них только пляски да танцульки. Нет организованности!

Они поцеловались.